

О СТИЛЕ МЕМУАРОВ ДЕКАБРИСТОВ: ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ (КУРСИВ, КАВЫЧКИ, ЛАТИНСКИЙ ШРИФТ, «ВСТАВНЫЕ НОВЕЛЛЫ»

О. А. Горбацевич

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье анализируется манера повествования в работах декабристов (Н. И. Лорера, А. Е. Розена). Яркой особенностью их стиля является использование французской лексики (на письме передано по-французски), акцентирование того или иного заявления с помощью курсива или кавычек. Пользуясь графическими средствами, авторы мемуаров осуществляют «смысловый нажим» (термин Л. Я. Гинзбург), что дает возможность исследователям понять нюансы позиции мемуаристов.

Ключевые слова: декабристы, фразеологическая позиция, субъектная сфера, «вставные новеллы».

Abstract: the article analyzes the manner of narration in the works of the Decembrists (N. I. Lorer, A. E. Rosen). A striking feature of their style is French vocabulary (written in French) and the use of italics or quotation marks to emphasize a particular statement. Using graphic means, the authors of the memoirs carry out "semantic pressure" (L. Y. Ginzburg's term), which makes it possible for researchers to understand the nuances of the memoirists' position.

Keywords: Decembrists, phraseological position, subject sphere, "insert stories".

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые *стилистические* аспекты воспоминаний декабристов. Связанные с данной категорией поэтики особенности сюжетно-композиционной системы (обусловленные индивидуальным авторским восприятием событий) исследованы в трудах М. К. Азадовского, В. С. Голубцова, С. С. Дмитриева, П. В. Ильина, М. В. Нечкиной, А. Г. Тартаковского, Н. Я. Эйдельмана.

Семантика кавычек, скобок, латинского шрифта, курсива (относительно художественных текстов) находилась в поле зрения таких ученых, как М. М. Бахтин, И. М. Борисова, Б. Я. Бухштаб, Л. Я. Гинзбург, Анна А. Зализняк, Е. В. Падучева, Н. Н. Скотов, Б. А. Успенский, В. Шмид, Б. С. Шварцкопф, определивших роль указанных *знаков* в широком спектре значений (возникающих при цитировании «чужого» текста, в случаях использования иронии, введения дополнительной информации и пр.). Функции знаков препинания, видов шрифтов убедительно проанализированы на материале произведений Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, В. С. Токаревой, А. И. Слаповского и других, однако, как указывает один из исследователей, существуют различия при использовании упомянутых средств в «художественном и нехудожественном тексте» [9, 86]. Авторские стратегии, по нашим наблюдениям, действительно несхожи при применении курсива, латинского шрифта в романах И. С. Тургенева («Отцы

и дети», «Дым») и в литературе документальной (например, в «записках» декабристов А. Е. Розена и Н. И. Лорера). Художник слова стремится к расширению смысла образов, и графические средства играют важную роль в «формировании структуры нарративного текста» и «композиции» произведения в целом [5, 412].

Сотни страниц воспоминаний, написанных декабристами, являются результатом напряженной рефлексии (правомерно ли было выступление?), желания оставить потомкам правдивые, неискаженные пристрастным общественным мнением свидетельства. Знатор русской истории, Н. Я. Эйдельман, отметил, что эти «заметки» часто рождались как коллективное сочинение, составленное единомышленниками (хотя можно вспомнить и об их противоположных мнениях, несогласии): «...существует много примеров <...>, когда декабристы, делясь своими воспоминаниями с друзьями по каторге и ссылке, сначала вырабатывали устную версию мемуаров и только позже закрепляли ее в письме» [10, 341–342]. Бурное обсуждение отгремевших событий, споры привели к тому, что мемуары «мятежников» стали содержать массу красноречивых деталей. На многих страницах (например, созданных И. И. Горбачевским, Д. И. Завалишиным, Н. И. Лорером, А. Е. Розеном) повествуется о ярких личностях, эмоционально напряженных эпизодах, так как, по справедливому замечанию Л. Я. Гинзбург, «литература воспоминаний, автобиографий, исповедей и "мыслей" ведет прямой

разговор о человеке. Она подобна поэзии открытым и настойчивым присутствием автора» [2, 133].

Читая труды декабристов, можно заметить, что авторы довольно часто прибегают к использованию *курсива*, который Л. Я. Гинзбург назвала «смысловым нажимом» [3, 153]. К этому приему мемуаристы прибегают для того, чтобы точнее донести до читателя «собеседника» свои чувства.

Вчера еще свободные молодые дворяне, а сегодня уже узники, они немало удивлялись манере ведения следствия. Император Николай I во время «бесед» с хорошо знакомыми ему офицерами поражал их своим желанием оказывать давление, например, Н. И. Лореру было сказано, что у него нет чести. Очевидно, что подобное обвинение было в высшей степени оскорбительно и вызвало у дворянина протест. Н. И. Лорер, видимо, в тот момент с трудом подавивший гнев, передает свой ответ следующим образом: «Тут я невольно вздрогнул, у меня захватило дыхание, и я невольно проговорил: — *Я в первый раз слышу это слово, государь...* Государь сейчас же опомнился и уж гораздо мягче продолжал...» [4, 364]. Офицер имел в виду слово «честь», поместив его в тревожно иронический контекст. Провокационная фраза императора приводит Н. И. Лорером без кавычек и не выделена, свой же ответ, как более значимый и достаточно дерзкий, декабрист акцентировал курсивом.

Как видно, самые важные фразы (по мнению Н. И. Лорера) часто обрамлены кавычками, например ответ «одного <...> товарища» (его имя осталось неизвестным), неожиданно вызвавший смех у санных членов следственной комиссии. Декабрист представил его реплику так: «Господа, что вы кричите, если бы вы все были поручиками теперь, то непременно были бы членами тайного общества» [4, 376]. Держа ответ более пожилым А. Х. Бенкендорфу и А. И. Чернышову (отличившемуся особым рвением и верноподданничеством во время следствия), «товарищ» Н. И. Лорера напоминает о молодости декабристов (есть сведения, что самому старшему из них было всего лишь 42 года).

В тексте воспоминаний Н. И. Лорера приводятся точные даты, конкретные имена друзей и недругов, исторические справки, общеизвестные топонимы, но наряду с этим встречаются и *истории* (порой комические), которые в литературоведении называли бы «вставными новеллами» (например, в романе). «Вставные новеллы», как известно, не связаны фактологически с основным текстом, но расширяют его хромотоп, вводят новую информацию. Наиболее часто такой прием применяется в приключенческой литературе (или при создании авантюрного романа), но встречается и в классических реалистических произведениях. Примером могут послужить «История княгини Р.» в тургеневских «Отцах и детях», «Повесть о капитане Копейкине» в гоголевских «Мертвых душах». В рассматриваемых мемуарах можно видеть

очень примечательные сцены из жизни местных сибирских жителей (например, бурят), которые вполне могли бы украсить любую пикареску, но в данном случае это *происшествия*, реальность которых подтверждается многими свидетелями.

Мемуариста позабавил неожиданный проигрыш хорошего шахматиста С. П. Трубецкого коренному сибирскому жителю. Н. И. Лорер рассказывает о разных правилах популярной игры, европейских и азиатских: «...королева ходит, как наш конь, и вместо нашей туры у них слон» [4, 423]. Далее приводится совсем курьезный случай: «На другой день я искал этого славного игрока, чтобы снова с ним сразиться, и с огорчением узнал, что он лежит больной, получив за какой-то неважный поступок от своего хана пятьдесят плетей» [4, 423]. В художественном произведении экзекуция могла быть изображена «крупным планом», в «человеческом документе» (мемуарах) она лишь упоминается, так как здесь важно другое: показать круг общения декабристов, нравы местных жителей.

Очень экзотично выглядит сын местного хана, который вполне мог бы в театре играть роль сказочного царевича: «В коляске сидел мальчик в шелковой зеленой шубе, в шапочке, отороченной бобровым мехом и украшенной наверху голубыми шариками из стекляруса, вроде короны. На боку его болталась сабля с серебряным темляком, а на шее — золотая медаль на анненской ленте» [4, 422]. Юный наследник («мальчик»), командовавший настоящим войском (60 000 бурят), желая поразить европейцев, устроил представление, «приказав выпустить на равнине оленя и пустившись со своими за ним вдогонку». «Искусно пущенные стрелы свалили прекрасное животное, и оно попало к нам на кухню» [4, 422], — так мемуарист завершает вставной эпизод.

Ценную информацию, интересную современному читателю, получаем, анализируя «французский» текст (по замечанию Ю. М. Лотмана, «пароль аристократов») воспоминаний, причем он приводится как с переводом, так и без него (автор создает свои «записки», рассчитывая на людей своего круга — хорошо знающих этот «язык дворян»). Рассмотрим фрагмент из «заметок» декабриста А. Е. Розена, которому жена прислала записку, или же он ей написал письмо, что арестанту, конечно, запрещалось. А. Е. Розен не сообщает нам (становясь при этом *ненадежным* (unreliable narrator) [1, 159]), кто же на самом деле нарушил строгие правила и отправил послание, так как остерегается выдать либо себя самого, либо супругу, либо тех, кто им помогал.

Явно не обремененный правилами приличия некий «полковник Микулин», охранявший арестованного декабриста, при обыске нашел у А. Е. Розена письмо и даже, «по долгу службы», прочел его («Sois tranquille, cher ami, Dieu me soutient, ménages-toi» [6, 102]). Видимо, редакторы цитируемых «Мемуаров декабристов», а не сам А. Е. Розен (это было бы лишним, так

как его окружение говорило по-французски свободно), переводят это письмо (в конце страницы): «Будь спокоен, дорогой друг, Господь меня поддерживает, береги себя». Рьяный служака Микулин усомнился в том, что автор письма — женщина, супруга барона А. Е. Розена, и этот вывод был сделан исходя из правил французской грамматики. Полковник справедливо предположил, что это сам «дерзкий» А. Е. Розен (а не его жена) не соблюдает предписания и хочет передать весточку домой: «Помилуйте, да как же она пишет в мужском роде *tranquille* два *ll* и *e*!» [6, 102]. В этот момент (весьма вовремя) появился В. А. Перовский, адъютант императора, и на французском языке сделал замечание бестактному «ученому грамматике»: «*Cessez donc, mon cher, vous dites des bêtises*» («Оставьте же, друг мой, вы говорите глупости», — дается перевод, сделанный, скорее всего, редакторами данного издания). Автор мемуаров в рассмотренном случае прибегает к французскому языку органично, так как это соответствует этикету первой половины XIX века, но приведенные вставки выполняют не только узко коммуникативные функции. А. Е. Розен продемонстрировал, что адъютант царя (конечно, тоже заметивший нарушение грамматики при указании на род) владеет иностранным языком не хуже злобного охранника, но, желая разрядить напряженную ситуацию, он грешит против истины. Слова Микулина передаются прямой речью и косвенной, а реплики Перовского — только прямой речью и в кавычках — так акцентируется благородный поступок адъютанта. Очевидно, что анализируемый фрагмент выявил доминирующие черты всех персонажей «записок» (умного и осторожного «тактика» А. Е. Розена, мелочного Микулина, гуманного Перовского). При этом мы так никогда и не узнаем, кто же на самом деле является автором этой злополучной записки, наделавшей столько шума! И эта интрига, вероятно, создана ироничным А. Е. Розеном умышленно. Но в контексте художественного произведения такой финал указал бы на неопытность сочинителя в литературном ремесле, на его неумение поставить эффектную «точку».

Б. А. Успенский рассмотрел сходную ситуацию (слова Наполеона то по-русски, что в реальности не могло состояться, потому что Бонапарт наш язык не знал, то по-французски, что соответствовало действительному положению дел) в романе «Война и мир». Исследователь заключает, что Л. Н. Толстой таким образом использует языковую игру «для отсылки к тому или

иному индивидуальному сознанию» [7, 77], к определенной «фразеологической» позиции. Такой же вывод в целом можно сделать и о «французском» тексте рассмотренных мемуаров, но в приведенном нами случае добавляется еще и значимый *этический* элемент (поскольку описан реальный эпизод).

Итак, воспоминания декабристов, решившихся на экстремальный поступок, разрушивший их карьеру, а многим и жизнь, отличаются стилистическим разнообразием, что делает повествование в их трудах высоко информативным. Авторы показали себя тонкими аналитиками, психологами, философами, использовавшими различные средства «социально-психологической индивидуализации» [8, 85] для обозначения своих идеологической и этической позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Booth W. C. The Rhetoric of Fiction / Booth W. C. University of Chicago Press, 1961. — 572 p.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград: Художественная литература, 1976. — 448 с.
3. Гинзбург Л. Я. О старом и новом: статьи и очерки / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград: Советский писатель 1982. — 422 с.
4. Лорер Н. И. Записки моего времени. Воспоминания о прошлом / Н. И. Лорер // Мемуары декабристов. — М.: Правда, 1988. — С. 313–545.
5. Рабданова Л. Р. Графические средства выражения точки зрения в нарративном тексте (на материале современной прозы) Л. Р. Рабданова // Мир науки, культуры, образования. — № 1 (68). — 2018. — С. 411–413.
6. Розен А. Е. Записки декабриста / А. Е. Розен // Мемуары декабристов. — М.: Правда, 1988. — С. 77–164.
7. Успенский Б. А. Семиотика искусства: Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве / Б. А. Успенский. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 360 с.
8. Шпилева Г. А. «Чужое слово» как средство социально-психологической индивидуализации в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» / Г. А. Шпилева // Содержательность форм в художественной литературе. — Куйбышев, 1989. — С. 85–89.
9. Щецова Т. Г. Прямая речь в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина и особенности ее пунктуационно-графического выделения / Т. Г. Щецова // Проблемы современной науки и образования. 2014. — № 2. — С. 86–92.
10. Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков / Н. Я. Эйдельман. — М.: Высшая школа, 1993. — 493 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Горбачевич О. А., соискатель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы гуманитарного факультета

E-mail: goa696@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University
Gorbatsevich O. A., applicant of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature of the Humanities Faculty
E-mail: goa696@mail.ru